

данное время качествами. Как пишет Э. Фромм, «если человеку не удается выгодно «инвестировать» себя, он испытывает такое чувство, словно он – сама неудача; если он в этом преуспевает, то он – сам успех» [4, с. 297].

В противовес рыночной Э. Фромм обосновывает необходимость плодотворной ориентации социального характера. «Плодотворность означает, – пишет философ, – что человек воспринимает себя как воплощение своих сил и как «творца»; что он ощущает себя единым со своими силами и в то же время что они не скрыты и не отчуждены от него» [5, с. 321]. Мыслитель акцентирует внимание на отдельных формах деятельности, таких как любовь и мышление, посредством которых может проявляться плодотворность. «Любовь – это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохранять свою целостность» [4, с. 19]. *При плодотворной ориентации доминирующей является установка на бытие, а не на обладание.*

Выводы. С точки зрения мыслителя, будущее человечества обуславливает необходимость изменения человека и общества, причем без нового человека невозможно новое общество. «Нельзя отделить свое знание о себе от знания об обществе, – пишет он. – В этом ошибка Фрейда и многих других аналитиков, которые хотят получить «прозрение» в отношении себя и оставаться слепыми в отношении общественных процессов».

Таким образом, Э. Фромм полагает, что человеческая природа определяет условия, в которых живет человек, а общество формирует определенный тип социального характера. Активность социального характера направлена на стабилизацию и укрепление социума, тогда как активность человеческой природы – на его изменение. И социальный характер и человеческая природа – активные факторы, влияющие на течение истории.

Перспективы. Данная статья послужит основанием для дальнейшего анализа актуальных социально-философских идей Э. Фромма.

Библиографические ссылки

1. Куркин Б. А. Гуманистическая утопия Э. Фромма / Б. А. Куркин // *Вопр. философии.* – 1983. – № 2. – С. 85–94.
2. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
3. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992.
4. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм // *Исследование природы любви.* – М.: Педагогика, 1990. – 158 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм // *Мужчина и женщина.* – М.: ООО «Изд-во АСТ», 1998. – С. 129–452
6. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990.
7. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992. – 175 с.

Надійшла до редколегії 10.01.2012 р.

УДК 1 (091) «19»

С. Г. Карпова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ГЕТЕРОТОПИИ И УТОПИИ Р. БАРТА И М. ФУКО

Анализируется пространственный дискурс постструктуралистской философии на примере концептов «гетеротопия» и «утопия» в построениях Р. Барта и М. Фуко.

Ключевые слова: гетеротопия, рисунок, текст, утопия, фотография.

Аналізується просторовий дискурс постструктуралістської філософії на прикладі концептів «гетеротопія» та «утопія» в побудовах Р. Барта і М. Фуко.

Ключові слова: гетеротопія, малюнок, текст, утопія, фотографія.

The spatial discourse of post-structuralist philosophy as an example the concepts of «heterotopia» and «utopia» in the constructions of R. Barthes and M. Foucault is analyzed.

Keywords: heterotopias, drawing, text, utopia, photography.

Фукольдьянская археология знания находит свое продолжение в концепциях многих философов XX в. Наиболее яркое выражение археологическая методология приобретает в построениях Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида. В данной статье рассмотрим один из интересных и малоисследованных аспектов постфилософии – археологические «пространственные» дискурсы не только собственно инициатора археологии знания – Мишеля Фуко, но и его не менее известного современника – Ролана Барта.

При анализе текстов М. Фуко, а также других постструктуралистов (и особенно – Р. Барта), огромный интерес представляет сама специфика их письма, которой присуща очевидная «поэтичность мышления». При этом мы предполагаем, что это «поэтическое мышление» обладает действенно-векторным проявлением и в связи с постфилософией М. Фуко (в определенном смысле регулирующей дискурсивные практики Р. Барта и других постфилософов) и может быть обозначено в терминах, предложенных С. Шевцовым. Поэтическое мышление тут как акт (в определенном смысле) и действие «...есть процесс, во-первых, апофантический, проясняющий основы бытия человека, во-вторых, анафорический, где человек совершает восхождение к истине своего бытия, в-третьих, метафорический, переносящий его в иное понимание и видение бытия, где мир предстает таким, каков он есть...» [12, с. 342]. В этом смысле М. Фуко формирует последующие постструктуралистские дискурсы Р. Барта не только через «историческую» реальность (как то под воздействием издания своих научных работ или взаимодействия на учебно-интеллектуальном уровне), но и через «возрождение» (присущей еще ранее французской культуре) специфической метафорической и каламбурной «культуры слова». Так, эта «культура слова» потом наиболее ярко проявится в построениях Ж. Деррида, которого (по словам исследователя постфилософии И.Ильина) позже обвинят в выражении своих мыслей на «патагонском языке» [6]. В этом есть определенное «стилевое» единство М. Фуко и Ж. Деррида, так как первому присуща такая же «игра с текстом» и использование терминологической лексики из разных областей знания, также как и второму. Определенное «стилевое» единство при написании философского текста мы, например, сможем обнаружить при сравнении текстов М. Фуко «Это не трубка» [11], Р. Барта «S / Z» [3] и Ж. Деррида «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только» [5]. Однако есть вторая, наиболее важная «ситуация взаимопересечения», которая непосредственно связана со смыслообразующими моментами, берущими начало в пространственном измерении через «места» и «гетеротопии».

Так, в докладе «Другие пространства. Гетеротопии» [14], Мишель Фуко рассматривает вопросы топологии и картографии через историческую перспективу (таким образом, косвенно вводя археологию знания как метод в процесс исследования) и прослеживая, как изменяется отношение к пространству. Во многом это становится возможным благодаря введению понятия «гетеротопия». По сути, концепт гетеротопии, предложенный М. Фуко, принципиально отличен от концепта всех пропорциональных человеческому бытию мест и является особым пространством науки как модуса человеческого бытия. Также фукольдьянская «гетеротопия» отличается по своему содержанию и специфике от «гетеротопии сознания» у Ж. Лакана [8]; от «гетерономии» К. Касториадиса, предполагающего, что «...самоотчуждение или гетерономия общества не являются «простым представлением» или неспособностью общества представлять себя иначе, как устанавливаемое свыше» [7, с. 456]; и от «гетеротопии» в первоначальном значении.

Гетеротопія (по своєму первонаначальному значенню) має стосунок до питань біогенетики і закономірностям еволюції і представляє собою «зміщення місця закладки і розвитку органу у тваринних в процесі їх індивідуального розвитку – онтогенеза; один із способів еволюційної перестройки організму. Гетеротопія виникає внаслідок міграції клітин із одного зародкового листка в інший, зміщення клітин в межах даного зародкового листка або вторинного зміщення органів» [4]. В той же час гетеротопія в сенсі фукольдіанському представляє собою місця (положення), де «реальні положення, всі інші реальні положення, які можна знайти в культурі, являються одночасно репрезентованими, оспореними і опровергнутими» [14]. Протилежним поняттю «гетеротопії» стає «утопія», яка в контексті фукольдіанської філософії грає роль «контрпозиції» ефективно установленної гетеротопії і являється позицією «без реального місця» [14].

Так як в даному випадку ми позначаємо і розкриваємо специфіку археологічних дискурсів, впливаючих на формування постструктуралістської думки (на прикладі Р. Барта), то в першу чергу звернемо увагу на простір не як утопію, а як гетеротопію в фукольдіанському сенсі, окрему і самоорганізовану. При цьому тут необхідно важливим моментом стане проблема гетеротопії в «художньому значенні». Наприклад, коли ми говоримо про фотографію, тема гетеротопії і утопії М. Фуко «пересікається» з темою іншої постструктуралістської філософії – Р. Барта. Однак якщо розглядати бартовське поняття фотографії, то в першу чергу це стосується теми утопії, а потім уже гетеротопії. Це пояснюється тим, що з естетичної точки зору, являючись одночасно самодостаточним і «частним», денотативне зображення представляє собою специфічний вид зображення, позбавлене конотацій, особливого роду утопічне зображення, в певному сенсі об'єктивне і «непорочне». Барт відзначав: «Утопічність денотації стає ще більше очевидною завдяки відомому вище парадоксу; він складається в тому, що фотографія (в її «буквальному» вимірюванні), в силу своєї откровенно аналогічної природи, є, по всій видимості, повідомленням без коду» [1, с. 309]. І тому, навчаючись, що буквальною інформацією (без допомоги особливих правил трансформації і дискретних знаків) здатна тільки фотографія передавати (із всіх видів зображень), то і структурний аналіз зображення повинен проводитися специфічними засобами. Це пояснюється ще і тим, що на рівні «буквального» повідомлення в фотографії відсутність коду «підкріплює міф» про природність фотографічного зображення (завдяки тому, що «означаючі» і «означаємі» пов'язані стосунками «запечатлення», а не «трансформації»). І тому, як відзначає Барт, «все відбувається схоже в утопії: спочатку існує фотографія як така (фронтальна і чітка), а потім за нею людина, користуючись певними технічними засобами, іспещряє її знаками, взятими із культурного коду» [1, с. 310]. Однак настає момент, коли «утопія» Р. Барта зливається з «утопією» М. Фуко (гетеротопічною по своїй специфіці). Це, можливо, відбувається на рівні співвідношення проблеми «малюнка» (Фуко) і «фотографії» (Барта). Гетеротопічність, по Фуко, мають навіть деякі місця в самому «фокусі» єдиного володіючого соціального простору. Тим не менше, коли ж виявляється «утопічність»? Вже якщо «утопічність» в сенсі бартовському нами була вже позначена, то утопічність по Фуко не в повній мірі. В зв'язі з цим співвідношення двох «утопій» виявляється складно. Для роз'яснення даної ситуації необхідно використовувати метафору дзеркала (яка зустрічається в фукольдіанських побудовах). Французький філософ відзначає, що в той момент, коли «Я» вдивляючись в своє зображення в дзеркалі, мій «возвращаючий» погляд утверджує мене в існуванні, і, таким чином, те, куди я вдивляючись, – Утопія, а те, на мене «вдивляється» і утверджує із дзеркала – «гетеротопія» [14]. І таким чином виявляється, що «утопія» виступає як існування «тепер», одночасно і «не тут», а саме «з'явлення» гетеротопії, з однієї сторони, утверджує в існуванні «Я», а з іншої сторони, знищує «утопію».

В свою очередь «скрытое» гетеротопическое и утопическое «отражение» имеет свой лингвистический аспект в постструктуралистских построениях Р. Барта и М. Фуко. А этот лингвистический аспект отсылает нас в область археологической методологии и картографии социальной реальности. То, что этот текстолово-лингвистический «момент» необходимо отправляет нас в область археологическую, видно хотя бы благодаря тому, что он необходимо фиксируется фукольдианским концептом «высказывание». Так, Барт пишет о соотношении текста и фотографии (с нашей точки зрения как своеобразного «феноменологического» явления) и незаметно для самого себя «сближается» с фукольдианской позицией относительно формирования знания в определенный момент под «воздействием» высказывания и слова. Например, Р. Барт отмечает: «Фотография – область чистой случайности и ничем иным быть не может (ведь изображено всегда нечто), – в противоположность тексту, который под неожиданным воздействием одного-единственного слова может перевести фразу с уровня описания на уровень рефлексии, – она незамедлительно выдает «детали», составляющие первичный материал этнологического знания» [2, с. 48]. В этой ситуации мы сталкиваемся с фотографией (в определенном случае она может выступать как высказывание, специфическое по своему проявлению) как с примером «утопии» в лингвистическом пространстве.

Точно так же, как в концепции Р. Барта фото и текст не сводятся в одном пространстве, у М. Фуко язык оказывается несовместим с живописью (а в нашем случае, с рисунком, как проявлением живописи). И также «скрыто» появляется рисунок как своеобразная «утопичность» (с гетеротопическими проявлениями). Фуко пишет об этом при «археологическом анализе» пространства: «Однако отношение языка к живописи является бесконечным отношением. Дело не в несовершенстве речи и не в той недостаточности ее перед лицом видимого, которое она напрасно пыталась бы восполнить. Они несводимы друг к другу: сколько бы ни называли видимое, оно никогда не уместится в названном; и сколько бы ни показывали посредством образов, метафор, сравнений то, что высказывается, место, где расцветают эти фигуры, является не пространством, открытым для глаз, а тем пространством, которое определяют синтаксические последовательности» [10, с. 46]. Немного позже, уже в работе «Это не трубка», М. Фуко рассмотрит гетеротопическое пространство (через анализ «утопического» пространства), исследуя рисунок Р. Магритта: «Все надежно закреплено внутри школьного пространства: картина или доска «показывает» рисунок, «показывающий» форму трубки; и текст, написанный усердным учителем, «показывает», что речь идет действительно о трубке. Указка учителя, которую мы не видим, тем не менее царит надо всем, так же как и его голос, весьма отчетливо выговаривающий: «Это трубка». От картины к изображению, от изображения к тексту, от текста к голосу эта своего рода указка свыше отмечает, показывает, фиксирует, устанавливает, навязывает систему отсылок, пытается утвердить единое пространство» [11]. Когда определенный аспект образительного искусства становится «зримым» через его словесное, текстовое описание, когда существует вначале картина, рисунок или фотография, а потом она из области «видимого» переходит в область «говорения» и «письма», тогда можно фиксировать не просто риторическое упражнение, а инструмент, формирующий образы в воображении «слушающего» и «читающего». Тогда же можно говорить об экфрасисе. Этот инструмент в фукольдианских построениях также замечает У. Эко, однако он лишь фиксирует наличие его в одной из работ М. Фуко: «...отличными образцами экфрасиса являются многие примеры детального анализа той или иной картины, проведенного искусствоведами, а знаменитым описанием «Менин» Веласкеса, как известно, открывается книга Мишеля Фуко «Слова и вещи»» [13, с. 250].

Рассмотрим этот тезис У. Эко (который итальянский философ, кстати, не разворачивает в связи с фукольдианскими построениями при своем дальнейшем исследовании) и отметим, что здесь проявляется действие археологической методологии, в которой экфрасис оказывается вспомогательным и «знаковым» моментом выявления дискурса через набор высказываний, таким образом обозначивая семио-

тическую специфику археологии. По сути этот «экфрасис» реализуется благодаря анализу с помощью археологии знания. Так, анализируя дискурсы, фукольдианская археология, с одной стороны, образует экфрасисы, а с другой – их исследует, и это становится возможным благодаря концепту «высказывание»; по сути в отдельных случаях экфрасис является видом высказывания.

Возможно, как бы заменяя метафору зеркала (в связи с идеей гетеротопии и утопии), на ее место в этих постструктуралистских построениях Фуко и Барта приходит фотография и живопись (как рисунок). Но, несмотря на эти «тонкости», гетеротопия М. Фуко выступает «новым инструментом» для феноменологического осмысления науки. Если, по Фуко, гетеротопия подобна зеркалу, то по своему отражающему и «искажающему» (противоположно) эффекту она во многом окажется тождественной фотографии в смысле бартовском, несмотря на его «утопичную» природу (конечно, если мы не имеем дело с «буквальным» пониманием фотографии). Этот момент оказывается вероятным, в том числе благодаря археологическому анализу, посредством которого М. Фуко предлагает анализировать живопись в работе «Археология знания» и в этом плане он как бы неявно продолжает идею Р. Барта, выраженную им в работе «Риторика образа». Тем не менее, если Барт не предлагает «четкого» решения для проведения структурного анализа изображения (а переходит на сравнительный анализ «буквального» изображения – фотографии), то Фуко предлагает анализировать живопись как дискурсивную практику, воплощенную в эффектах и технике, которая пронизана «позитивностью знания». То, что «сближает» здесь двух философов – это «позитивность знания», которую несет на себе фукольдианская живопись, и наличие у бартовского рисунка (как живописи) кода, который тоже обладает своего рода смысловой загруженностью и «позитивностью». Барт отмечает, что рисунок «...даже будучи денотативным, все-таки является сообщением, построенным на базе определенного кода» [1, с. 309]. Важно здесь, что М. Фуко все-таки идет дальше «позитивности» и предлагает использовать археологический анализ (тем самым вводя свой метод в исследование в направлении такой дискурсивной практики, как живопись), «расширяя» пространство: «...археологический анализ... ищет такое пространство, дистанцию, глубину, цвета, свет, пропорции, объем, контуры и проч., которые не были в исследуемый период рассмотрены, обозначены, высказаны, концептуализированы в дискурсивной практике... Речь идет не о том, чтобы доказать, что живопись – способ означения или «говорения»... Наша задача состоит в том, чтобы показать, что, по крайней мере в одном из своих измерений, живопись является дискурсивной практикой...» [9, с. 192]. Однако это лишь один из моментов, который объединяет М. Фуко и Р. Барта в едином «смысловом» археологическом пространстве, специфику которого можно уяснить, вернувшись к рассмотрению гетеротопии.

Тут важно уточнить, что потенциально гетеротопии, оказавшись помещенными «внутри» общественного пространства в определенный момент оказываются «вытесняемыми», в связи с «замкнутостью» в пространстве. И, в определенный момент, фотография в бартовском («буквальном» смысле) приобретает новую «жизнь» и специфику, становится иной (и через «утопичность») и приобретает гетеротопичность (уже в фукольдианском смысле). Это становится возможным, как мы думаем, в тот момент, когда «промежуточные» художественные пространства становятся «активизаторами» движения, что приводит (через направленные потоки, «прерывания» и «отвлечения») к формированию чего-то «зримого». Таким образом, за счет «случайности» гетеротопических пространств происходит трансформация исходного замысла изображения (в том числе и благодаря влиянию «внешнего»). Важно, что в таком случае гетеротопии (будь то фотография не в «буквальном» значении или рисунок) оказываются таковыми, что не имеют окончательной формы, так как со временем, распадаясь на составляющие, формируют пространство для новых гетеротопий. Во многом за счет своеобразного «конфликта» влияющего внешнего мира на гетеротопии возникает фото- и графо-«документация», которая одновременно формирует, «устанавливает» и уничтожает исходную гетеротопию. Фото- и графо- документация, в

свою очередь, фиксирует картографию социальности, устанавливая ее картографический момент посредством исследования на уровне археологии знания.

Отметим относительно гетеротопии фукольдианской, что все системы и институты по Фуко оказываются подверженными гетеротопии. За счет того, что постоянным движением «задан» наш ежедневный ритм, то получается, что мы движемся в топологически-картографическом социальном пространстве от «места» к «месту» и к «конечному» пункту «назначения» – гетеротопическим пространствам. Причем эти «места-пункты назначения», благодаря «движению», становятся «транзитными станциями», которые во многом существуют независимо друг от друга, «замкнутые системы» внутри нашего пространства реальности. Таким образом, это «усиливает» переплетение «карт социальности» (как то – безумия, знания, власти и сексуальности) не только между собой (и в философских построениях М. Фуко), но и с «пространствами» других философов-постструктуралистов – Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ж. Деррида.

В работе М. Фуко «Слова и вещи» (в связи с анализом творчества Борхеса) гетеротопии предстают в несколько ином смысле: «Гетеротопии тревожат, видимо, потому, что незаметно они подрывают язык; потому что они мешают называть это и то; потому что они «разбивают» нарицательные имена или создают путаницу между ними; потому что они заранее разрушают «синтаксис», и не только тот, который строит предложения, но и тот, менее явный, который «сцепляет» слова и вещи... Именно поэтому утопии делают возможными басни и рассуждения: они лежат в фарватере языка, в фундаментальном измерении фабулы; гетеротопии... засушивают высказывание, делают слова автономными; оспаривают, начиная с ее основ, всякую возможность грамматики; они приводят к развязке мифы и обрекают на бесплодие лиризм фраз» [10, с. 31]. И тогда, когда явление имеет отношение к гетеротопическому «зеркальному» отражению, то оно невозможно без дискурсивных эффектов. Дискурсивные эффекты, в свою очередь, необходимо отсылают нас в область археологии знания, так как их анализ и исследование становятся возможными во многом благодаря археологической методологии и анализу высказывания.

Итак, фукольдианское осмысление концептов «гетеротопия» и «утопия» (через «место» и «рисунок») находит свое продолжение в бартовском осмыслении «утопии» (через «фотографию»). Здесь общим местом становится в том числе лингвистический аспект, и это, в свою очередь, акцентирует пребывание в едином археологическом дискурсе.

Библиографические ссылки

1. **Барт Р.** Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – С. 297–319.
2. **Барт Р.** Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
3. **Барт Р.** S/Z / Р. Барт. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
4. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article009993.html>
5. **Деррида Ж.** О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. – Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.
6. **Ильин И. П.** Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
7. **Касториadis К.** Воображаемое установление общества / К. Касториadis. – М.: Гнозис, 2003 – 480 с.
8. **Лакан Ж.** Семинары II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 1999. – 520 с.
9. **Фуко М.** Археология знания / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
10. **Фуко М.** Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сacд., 1994. – 405 с.
11. **Фуко М.** Это не трубка [Электронный ресурс] / М. Фуко. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko/trubka.php
12. **Шевцов С. В.** Метафизика и мифология поэтического мышления (античность – современность: событийный диалог) : [Моногр.] / С. В. Шевцов. – Д.: Изд-во Днепротр. нац. ун-та, 2007. – 364 с.

13. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
14. Foucault M. Of Other Spaces. Heterotopias (1967) [Электронный ресурс] / M. Foucault. – Режим доступа: <http://www.foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.en.html>

Надійшла до редколегії 25.01.2012 р.

УДК 167

О. В. Кісель

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

РЕАЛІЗАЦІЯ СИНЕРГЕТИЧНОЇ МЕТОДОЛОГІЇ ОСВІТИ В УМОВАХ СТАНОВЛЕННЯ ІНФОРМАЦІЙНОГО СУСПІЛЬСТВА

Висвітлюється роль інформатизації суспільства, методологія синергетики, перехід синергетичної парадигми освіти, що цілком відповідає вимогам сучасного інформаційного суспільства. Також у статті наведено принципи синергетики за Будановим, які можуть бути віднесені до онтологічних постулатів.

Ключові слова: інформатизація суспільства, синергетика, методологія синергетики, синергетична парадигма, синергетичний ефект.

Исследуется роль информатизации общества, методология синергетики, переход синергетической парадигмы образования, что полностью соответствует требованиям современного информационного общества. Также в статье приведены принципы синергетики за Будановым, которые могут быть отнесены к онтологическим поступкам.

Ключевые слова: информатизация общества, синергетика, методология синергетики, синергетическая парадигма, синергетический эффект.

The article highlights the role of information society, the methodology of synergy, synergetic paradigm shift of education that fully meets the requirements of modern information society. Also in the article the principles of synergy with Budanov, which can be attributed to the ontological postulates.

Keywords: information society, Synergetics, methodology synergy, synergetic paradigm, synergistic effect.

Інформатизація суспільства, що розуміється як розвиток за допомогою інформаційних засобів пізнавальних соціальних структур і процесів, повинна знаходитися в органічній єдності з процесами соціальної інтелектуалізації, істотним підвищенням творчого потенціалу особистості. Тому сьогодні одним із важливих завдань педагогічної науки й практики є пошук ефективної системи освіти, що відповідала б потребам економічного та культурного розвитку суспільства, допомагала б учневі самовизначитися та самореалізуватися в соціумі.

Становлення інформаційного суспільства потребує забезпечити адекватність освіти динамічних змін, що відбуваються у природі й суспільстві, усьому навколишньому середовищі людини, зростаючому обсязі інформації, стрімкому розвитку нових інформаційних технологій. У зв'язку з цим на зміну «підтримуючої» чи «просвітницької» освіти прийшла інноваційна парадигма освіти, найважливішою складовою якої стала ідея «освіти протягом усього життя» чи бе-

Історія оповідає, що рідко будь-яке суспільство було задоволене системою освіти, а класична модель фактично вичерпала себе. Все більшої сили набирає тенденція революційної системи парадигми освіти, її демократизація, комп'ютеризація і гуманізація, вільний вибір програми навчання, створення системи неперервної освіти. У ХХІ столітті необхідна фундаменталізація освіти, формування морально-відповідальної особистості, навчання не знанням, а мисленню, позбавлення від системи державного диктату та монополізму [6].